

УДК 7.04:7.033.2(471):904:7.023.1-035.3

ББК 85.12

DOI:10.18688/aa155-3-34

А. А. Слапиня

Типология и иконография светских сюжетов в декоре деревянных предметов середины XI – начала XIV века из раскопок в Великом Новгороде: к постановке проблемы

Древнерусское изобразительное искусство домонгольского и монгольского периодов известно нам преимущественно по памятникам церковного круга. Светских изображений¹ этого времени сохранилось немного, что, несомненно, повышает ценность любой найденной композиции. Одним из первых на эту проблему еще в 1962 г. указал А. Грабар, собравший в своей небольшой программной статье основные группы нерелигиозных изображений и осознавший перспективность их исследований [6]. Однако масштабных изысканий в этой области так и не велось — во многом из-за отсутствия достаточного количества памятников. В историографии византийского искусства такие работы, наоборот, известны, а метод иконографического анализа нерелигиозных изображений доказал свою продуктивность [7; 24].

Цель исследования, положенного в основу этой статьи, заключалась в том, чтобы провести иконографический анализ изображений, присутствующих на небольшой группе древнерусских памятников — деревянных предметов, найденных во время археологических раскопок в Великом Новгороде. Эти вещи плохо известны и мало доступны искусствоведам, так как опубликованы в сугубо археологических изданиях или же не опубликованы вовсе и практически не попадают на страницы обобщающих работ по истории искусства. Однако присутствующие на этих памятниках изображения несут в себе отголоски устойчивых иконографических схем, что позволяет расширить наше представление о миграции художественных образов в средневековом мире.

В силу плохой известности материала существенная часть работы заключалась в его поиске и отборе. **На первом этапе исследования** была проведена работа в Фонде археологических коллекций Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (НГОМЗ) с целью выявления всех деревянных изделий, содержащих фигуративный декор. Также на первом этапе были просмотрены издания по археологии Новгорода — как периодические (сборники статей «Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научно-практической конференции», вып. I–XXVIII, «Новгородский исторический сборник», вып. I–X и I(11)–XI(21)), так и обобщающие [3; 8; 9]. По итогам отбора материала стало очевидно, что большинство предметов не декорировано вовсе или укра-

¹ В данном случае под словом «светские» понимаются изображения, в которых не читаются характерные для древнерусского религиозного искусства сюжеты.

шено орнаментом. Однако среди всего комплекса, насчитывающего несколько десятков тысяч единиц хранения [8, с. 7], имеется около полутора десятков вещей с фигуративным декором — изображениями людей или животных, объединенными в сюжетные композиции. В сравнении с общим количеством деревянных предметов это, несомненно, ничтожно малый процент, однако каждому из выявленных изображений могут быть найдены иконографические аналоги, позволяющие утверждать, что местные мастера были хорошо знакомы с византийской, западноевропейской и скандинавской традициями. Также нужно отметить, что среди археологических находок крайне мало деревянных предметов культа. Мы можем говорить всего о нескольких резных крестах и одной самодельной иконке на бересте, на одной стороне которой изображен Спаситель, а на другой св. Варвара (НГОМЗ, экспозиция). Это, по всей видимости, связано с устойчивой традицией производства культовых вещей из металла и камня.

На втором этапе исследования выявленные изображения были классифицированы по иконографическому признаку. Мы выделили четыре группы: «Бессюжетные сцены с животными», «Сцены охоты», «Военные и другие сюжетные сцены», «Изображения, созданные по мотивам античных сюжетов»². Каждой группе (а в ряде случаев и отдельным наиболее интересным изображениям) были найдены иконографические аналоги. Таким образом, нам удалось наметить место этого разрозненного археологического материала в системе координат средневековой иконографии, а в некоторых случаях и выдвинуть предположения о непосредственных образцах.

В силу того, что объект исследования не вполне традиционен для истории искусства, необходимо сделать *некоторые замечания*. Во-первых, хронологические рамки работы обусловлены самим материалом: интересующие нас изображения присутствуют на предметах, датированных в пределах периода, вынесенного в заглавие статьи. Во-вторых, все указанные в тексте датировки исследуемых памятников — археологические. В-третьих, нас интересовали в первую очередь не сами находки, а изображения на них, поэтому к типологии предметов мы прибегаем только в случае ее важности для нашего исследования. По этой же причине мы выделяем в декоре наиболее богато украшенного предмета — рукояти плети с Владычного двора [18] — три отдельные сцены и рассматриваем их в разных иконографических группах. В-четвертых, мы ставим своей задачей показать продуктивность применения иконографического метода исследования к изображениям на археологических предметах из Новгорода, но не претендуем на исчерпывающий анализ каждого изображения в данной работе. В-пятых, большинство исследуемых вещей хранятся в фонде НГОМЗ, однако некоторые известны нам лишь по литературе. В-шестых, некоторые исследуемые нами вещи ждут археологической публикации, поэтому мы не вправе их демонстрировать. Такие изображения будут представлены только в описаниях, а в перечне предметов в скобках будет указано «не опубликован».

² В последний раздел вошли изображения, которые уже были выделены в отдельную группу А. Н. Сорокиным и Е. А. Тяниной в статье «Античные сюжеты в прикладном искусстве древнего Новгорода (по археологическим данным)» [21]. Мы сочли возможным включить их в нашу статью в виде отдельного раздела, хотя и с некоторым нарушением иконографического принципа деления материала.

В Группу I «Бессюжетные сцены с животными» вошли:

- резная колонна с изображениями грифона и кентавра в медальонах, 1040–1080 гг. (Рис. 1а) [9, с. 24–25]
- орнаментированный брус с изображением драконов, середина XI в. (Рис. 1б) [9, с. 28–29]
- копыл с изображением дракона, около 1060 г. (не опубликован, НГОМЗ А 186 (КП 42 359) № 317)
- гусли с изображением льва и птицы, первая половина XII в. (Рис. 1в) [9, с. 18]
- рукоять плети с Владычного двора — сцена со львом и козлом, вторая четверть — середина XIII в. (Рис. 2) [18]

В этом разделе собраны простейшие композиции, состоящие из изображений одного или нескольких животных. Цель анализа заключается в определении типа сцены («терзание», «геральдическая композиция» и т. п.) и предположительного круга образцов. Конкретные аналоги в данном случае не столь важны в силу повсеместности использования этих простейших схем.

Первые три предмета (колонна, брус и копыл) можно выделить в отдельную подгруппу — и по времени бытования (середина XI в.), и по принадлежности к конкретной художественной традиции. В этот период декоративное искусство Новгорода находится под сильным влиянием искусства Скандинавии. На всех трех предметах тела животных фактически являются элементами плетения, и их нельзя рассматривать отдельно от всего орнамента.

Новгородские колонны широко известны в литературе [9, с. 24–25] (нас интересует одна из них, так как на второй нет фигуративного декора). Исследователи находят их ближайшие аналоги в декоре каркасных церквей (*stavkirker*) [11] и предполагают, что они могли украшать храм, выполненный в скандинавской манере [10].

Ближайшие аналоги бруса также находят среди скандинавских произведений, в этом ряду исследователи называют кубок из Еллинга (X в., Датский национальный музей, Копенгаген) и крест из Бродана (X в., Старая церковь в Бродане, о. Мэн, Великобритания) [12, с. 101].

Копыл не опубликован, поэтому пока не введен в научный оборот. Однако изображенный на нем дракон фактически идентичен драконам с бруса, что подтверждает распространенность скандинавской художественной традиции в этот период.

Изображение на гусях первой половины XII в. относится к другой традиции. Здесь мы видим композицию, состоящую из фигур льва с процветшим хвостом и птицы с хвостом в виде завитков. Этот рисунок, выполненный на обратной стороне гуслей, явно не был частью изначального декора изделия. Скорее всего, эти граффити процарапал хозяин предмета [19, с. 21]. Низкое качество исполнения и плохо выверенная композиция говорят о том, что автор не был профессиональным мастером. Однако внимание к деталям (хвостам животных, гриве и оскалу льва) свидетельствует о хорошем знании образцов. По всей видимости, художник воспроизвел те иконографические особенности, которые видел на доступных ему предметах. Мы могли бы предположить, что формы хвостов заимствованы у изделий из серебра с чернью, а общая композиция опирается на рельеф в завершении центрального прясла северного фасада церкви По-

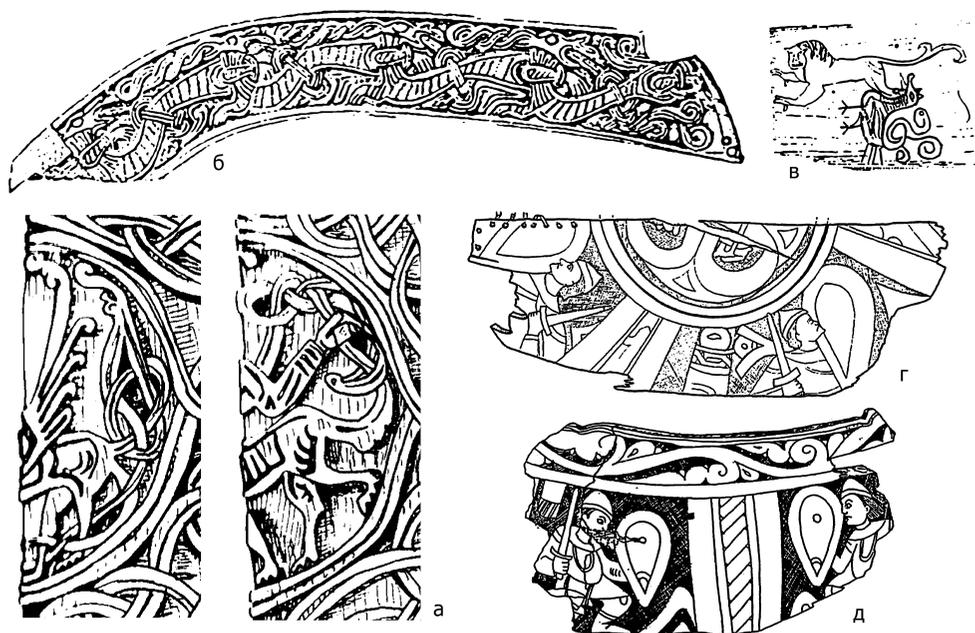

Рис. 1. Изображения Группы I: а) резная колонна с изображениями грифона и кентавра в медальонах, 1040–1080 гг.; б) орнаментированный брус с изображением драконов, середина XI в.; в) гусли с изображением льва и птицы, первая половина XII в. Изображения Группы III: г) крышка блюда (?) с изображением воинов, первая половина XIII в.; д) скобка (?) с изображением воинов, 1210–1240-е гг.

кровя на Нерли, где по двум сторонам от царя Давида (кстати, держащего в руках псалтирь — гусли) расположены композиции из оскаленных львов и птиц [4, с. 161]. Однако церковь Покрова на Нерли датируется 1165 г., а изделия из серебра с чернью получили распространение со второй половины XII в. [13, с. 85], в то время как новгородские гусли датируются первой половиной века. Таким образом, это небольшое маргинальное изображение свидетельствует о том, что общий для всего Средневековья изобразительный прием украшения тел животных ростками был известен на Руси еще до появления владими́ро-суздальских храмов и широкого распространения серебряных украшений.

На рукояти плети второй четверти — середины XIII в. [18] изображены лев и козел в геральдической композиции (в развертке-прорисовке животные оказываются расположенными спина к спине). Такой принцип соположения, возникший еще на Древнем Востоке, бытовал на протяжении всей истории искусства в самых разных регионах. Один из ранних древнерусских примеров можно найти в Изборнике Святослава (1073 г., Москва, ГИМ, Синодальное собрание, № 1043, л. 1), где два льва расположены по сторонам от цветка-древа. О разных типах геральдических композиций владими́ро-суздальских соборов писали Г. К. Вагнер [4, с. 270] и М. С. Гладкая [5, с. 77–91]. Г. К. Вагнер указывал на такую деталь, как поднятая передняя лапа, — животных, изображенных в подобной позе, он называл «адорирующими» [4, с. 270]. В правом прясле северного фасада Дмитриевского собора во Владимире [4, с. 344–345] мы видим несколько сцен, где напротив льва стоит травоядное животное с поднятой лапой, как и на плети. Возможно, и владимирский, и новгородский мастера вкладывали в эту сцену какое-то символическое содержание.

В Группу II «Сцены охоты» вошли:

- лопасть ложки со сценой охоты, рубеж XII–XIII вв. (не опубликована, изображение предоставлено кафедрой археологии МГУ)
- рукоять плети с Владычного двора — сцена охоты на оленя, вторая четверть — середина XIII в. (Рис. 2) [18]

В этом разделе речь пойдет всего о двух предметах, первый из которых не опубликован, поэтому может быть представлен только в описании. Это ложка с короткой плоской рукоятью (такие ложки Б. А. Колчин относит к классу дорожных [8, с. 60]). На внутренней стороне лопасти изображена сцена охоты: собака гонит копытное животное (определить, какое именно, невозможно, так как его голова утрачена), рядом находится птица, в добычу вонзены стрелы. Сцены охоты крайне распространены в западноевропейском и византийском средневековом искусстве, где они часто несут символическую нагрузку [7, с. 239]. В качестве примеров можно привести византийские серебряные чаши XII в. [7] или ковер из Байе (XI в., Музей Байенского гобелена, Франция). А самый известный древнерусский аналог можно обнаружить в росписи лестничных башен Софии Киевской [17, с. 256]. Говорить о конкретном источнике в данном случае не приходится, но мы сделаем предположение о причинах появления этой крайне распространенной композиции конкретно на этом предмете. Данная ложка относится к классу дорожных. Возможно, она принадлежала охотнику и использовалась во время привала. В таком случае композиция с обилием вонзенных в добычу стрел могла быть изображена «на удачу».

Сцена на плети относится к другому кругу сюжетов. Здесь мы видим не популярную композицию, определить истоки которой практически невозможно, а устойчивую формулу, широко распространенную в западноевропейском средневековом искусстве. Изображение

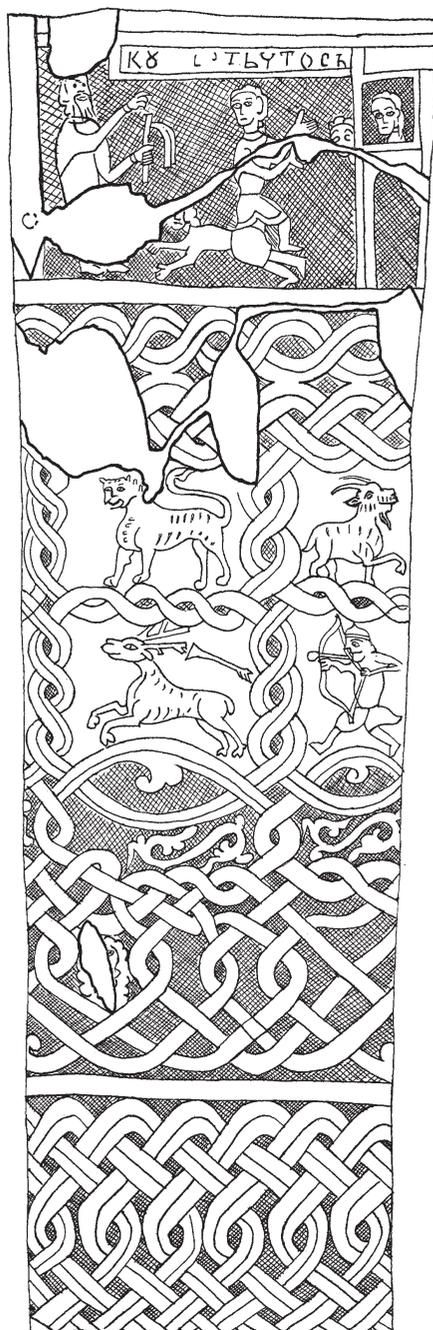

Рис. 2. Прорись декора рукояти плети, найденной в 2009 г. во время археологических раскопок на Владычном дворе Новгорода. Вторая четверть — середина XIII в. НГОМЗ

охоты лучника или стрельца-кентавра на оленя обычно рассматривается как символическое предостережение о дьяволе, стремящемся поразить человеческую душу [22, с. 77]. Эта интерпретация основывается на «Физиологе» [23], который, в свою очередь, опирается на текст 41-го псалма Давида: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс. 41:2). Другим литературным источником является легенда о св. Евстафии. Сценой охоты на оленя украшены бордюры костяной емкости для святой воды (около 1020 г. (?) из Ахенской капеллы, мозаичный пол базилики в Отранто (XI в., Южная Италия), стена церкви Сан Бауделио де Касильяс де Берланга (ранний XII в., Испания). Знакомство новгородского мастера с устойчивой иконографической традицией доказывает следующая деталь: он изобразил две стрелы: одну в натянутом луке, а вторую в непосредственной близости от оленя. В декоре базилики в Отранто и церкви Сан Бауделио де Касильяс де Берланга также изображены две стрелы: первая в луке и вторая, уже пронзившая оленя. Итак, заимствование устойчивой композиции очевидно, остается открытым вопрос содержания. Мы не знаем, понимал ли новгородский мастер символизм копируемого изображения и, следовательно, не можем сказать, было ли это культурное заимствование полным.

В Группу III «Военные и другие сюжетные сцены» вошли:

- крышка блюда (?) с изображением воинов, первая половина XIII в. (Рис. 1г) [20]
- скобка (?) с изображением воинов, 1210–1240-е гг. (Рис. 1д) [20]
- рукоять плети с Владычного двора — сцена бичевания, вторая четверть – середина XIII в. (Рис. 2) [18]
- фрагмент бересты с изображением воина, рубеж XII–XIII вв. (не опубликован, НГОМЗ А 134 (КП 38 647) № 2)
- фрагмент бересты с изображением коня, рубеж XII–XIII вв. (не опубликован, НГОМЗ А 134 (КП 38 647) № 3)
- фрагмент бересты с изображением коня, середина XIII в. (не опубликован, НГОМЗ А 134 (КП 38 647) № 1)

С интервалом в полвека на разных раскопах Новгорода были найдены два предмета с практически идентичным декором — предположительно крышка блюда и скобка [20]. На наружных стенках изделий изображены воины с мечами и щитами. Мы знаем два близких аналога этих изделий — это чаши, найденные при раскопках древнерусских

Рис. 3. Изображения Группы IV: а) дно чаши с изображением человека и птицы, конец XIII в.; б) лопасть ложки со сценой единоборства со зверем, вторая четверть XIV в.; в) ложка со сценой единоборства со львом, первые десятилетия XIV в.; г) ложка с изображением воина, первые десятилетия XIV в.

городов Рославля Смоленской земли [1, с. 181] и Чернигова [26, с. 149] (обе датированы XII — первой половиной XIII в.). Черниговская чаша, как и новгородские сосуды, декорирована фигурами воинов в рамках. Правда, форма этих рамок более сложная, квадрифолийная. Помимо самих воинов на тулове предмета изображены кони и оружие. Чаша из Рославля украшена сюжетной композицией: группа воинов стоит перед человеком, восседающим на престоле. Итак, нам известны четыре однотипные чаши, найденные в разных древнерусских городах, но сходные по сюжету и по времени изготовления. На этом основании мы можем говорить об устойчивой традиции, бытовавшей на Руси в XII – первой половине XIII в. Интересен вопрос о сложении самой этой традиции. На наш взгляд, прототипом для древнерусских деревянных чаш могли стать византийские серебряные чаши, опубликованные В. П. Даркевичем в книге «Светское искусство Византии» [7], многие из которых также декорированы изображениями воинов. Возможно, мы вправе говорить о своеобразных репликах, выполняемых местными мастерами из дешевого материала — дерева. Известно, что византийские серебряные чаши присутствовали на Руси [14, с. 26; 15, с. 80]. Одна из них даже была найдена в кладе, зарытом на территории богатой усадьбы Чернигова [7, с. 38–59].

Три фрагмента бересты, хранящиеся в фонде НГОМЗ и пока не опубликованные, по всей видимости, являются частями пробных или подготовительных рисунков. На одном из них изображен воин со щитом и боевым топором, на двух других кони. Так как это лишь фрагменты, сказать что-то определенное о задуманных композициях не представляется возможным. Но изображения перекликаются с декором чаш, поэтому нам кажется важным упомянуть и эти объекты, наличие которых подтверждает распространенность описываемых мотивов.

Наиболее интересна рукоять плети, на которой изображена сцена наказания. Здесь явно представлен какой-то сюжет, который пока не поддается интерпретации. Нам удалось найти некоторые иконографические аналоги данной композиции. Распростертыми на земле изображаются святые, подвергающиеся наказанию плетью или палками. В качестве примеров можно привести миниатюры из «Повести о Варлааме и Иоасафе» (XII в., Византия, Иверский монастырь на Афоне, cod. gr. 463, fol. 66 v.) или императорского Минология (1034–1041 гг., Византия, Москва, ГИМ, Син. гр. 183, л. 68 об.) [16]. Однако наиболее близкое в иконографическом плане изображение было найдено нами в миниатюрах византийских Октатевхов [25], в сцене казни царей Иисусом Навином, иллюстрирующей слова «И все города царей сих и всех царей их взял Иисус и побил мечом, предав их заклятию, как повелел Моисей, раб Господень» (Нав. 11:12). Композиционно сцена на плети практически идентична изображению Октатевхов: слева показан главный персонаж, перед ним распростерт казнимый/наказуемый, справа изображено архитектурное сооружение. Одинаковы положения центральных персонажей. И воин с мечом в Октатевхах, и герой сцены на плети показаны в сложной позе: руки спереди, согнуты в локтях, голова повернута назад. Все это говорит о знакомстве новгородского мастера с традицией изображения подобных сцен в византийских миниатюрах. Очевидно, что автор не мог видеть Октатевхи, но вполне мог составить изображение из элементов композиций, восходящих к таким миниатюрам.

В Группу IV «Изображения, созданные по мотивам античных сюжетов» вошли:

- ложка со сценой единоборства со львом, первые десятилетия XIV в. (Рис. 3в) [9, с. 59–60]
- ложка с изображением воина, первые десятилетия XIV в. (Рис. 3г) [9, с. 59–60]
- лопасть ложки со сценой единоборства со зверем, вторая четверть XIV в. (Рис. 3б) [21, с. 93]
- дно чаши с изображением человека и птицы, конец XIII в. (Рис. 3а) [21, с. 96]

Изображения этой группы были выделены и проанализированы в статье археологов А. Н. Сорокина и Е. А. Тяниной [21], однако мы считаем необходимым включить их в нашу работу, так как без этого она была бы неполной. По мнению авторов, декор этих вещей воспроизводит два популярных сюжета: мотив единоборства со зверем и историю Александра Македонского. Мотив единоборства был крайне популярен и на западе, и на востоке христианского мира. Этот сюжет присутствует в историях четырех персонажей: Геракла, Давида, Самсона и Дигениса Акрита. Притом средневековый мир подчас не делал разницы между ними, сосредотачиваясь на самой борьбе как подвиге, в том числе христианском [7, с. 152]. Аналогов новгородским изображениям может быть приведено множество, в том числе в белокаменной резьбе Дмитриевского собора во Владимире и шиферных рельефах второй половины XI – начала XII в. из Киева [2, с. 600–602], декоре византийских костяных ларцов и серебряных чаш. Фигура Александра Македонского также была крайне популярна. Сорокин и Тянина предполагают, что именно она изображена на дне чаши, где мы видим человека с птицей и сопровождающую надпись, в которой присутствует имя «Александр». По мнению исследователей, здесь представлен именно Александр Македонский, но не в традиционной сцене вознесения, а в момент разговора с голубем в индийском храме [21, с. 99]. Сорокин и Тянина считают, что его же образ воплощен в изображении воина на ложке, так как оно имеет портретное сходство с фигурой на дне чаши.

В заключение суммируем **выводы исследования**. В настоящей работе была сделана попытка показать перспективность иконографического метода исследования изображений на предметах из археологических раскопок древнерусских городов на примере одной небольшой группы носителей — новгородских деревянных изделий. Нам удалось выяснить, что рассмотренные изображения несут в себе элементы устойчивых иконографических схем, большинство из которых относится к кругу общих для всего Средневековья тем и сюжетов: геральдические композиции, сцены охоты, мотивы единоборства со зверем и пр. Однако для некоторых из них может быть приведен более узкий круг источников. На их примере мы можем говорить о конкретных заимствованиях, а в ряде случаев — и о предполагаемых образцах.

Материал этого исследования, безусловно, не относится к числу произведений искусства «первого ряда», однако он существенно расширяет наши знания о раннем, плохо известном периоде культуры Древней Руси. На данном этапе преждевременно делать более общие выводы, и мы ограничимся лишь фиксацией иконографических заимствований. Однако мы надеемся, что, расширяя круг исследуемых памятников, можно будет говорить о популярности различных образов в разные периоды, социальном статусе владельцев предметов и — самое главное — о культурных ориентирах заказчиков, выбравших определенные образцы.

Литература

1. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. – М.: Наука, 1980. – 261 с.
2. Архипова Е. И. Архитектурный декор и монументальная пластика Киевской Руси. Конец X – начало XII века // Искусство Киевской Руси IX – первой четверти XII века / История русского искусства. Т. 1 / Отв. ред. А. И. Комеч. – М.: Северный паломник, 2007. – С. 570–617.
3. Бочаров Г. Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. – М.: Наука, 1969. – 128 с.
4. Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. – М.: Искусство, 1969. – 480 с.
5. Гладкая М. С. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире: опыт комплексного исследования. – М.: Индрик, 2009. – 288 с.
6. Грабар А. Н. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. XVIII. – 1962. – С. 233–271.
7. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. – М.: Искусство, 1975. – 350 с.
8. Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. – САИ. Вып. Е1–55. – М.: Наука, 1968. – 183 с.: 85 табл.
9. Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. – М.: Наука, 1971. – 62 с.: 48 табл.
10. Конецкий В. Я., Самойлов К. Г. О некоторых аспектах культуры средневекового города // Новгородский исторический сборник. – Вып. 7(17). – 1999. – С. 3–14.
11. Кудрявцев И. Н. Деревянные полуколонны из Новгорода и их североευропейские аналогии // Древняя Русь: новые исследования. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – С. 211–218.
12. Курина Н. Н. Деревянная резьба Скандинавии и домонгольского Новгорода // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10(24): в 2 ч. – Ч. II. – 2012. – С. 99–103.
13. Лавыш К. А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.). – Минск: Белорусская наука, 2008. – 208 с.: илл.
14. Маршак Б. И. Сокровища Приобья (вводная статья к каталогу выставки) // Сокровища Приобья: каталог выставки. – СПб.: Формика, 1996. – С. 6–44.
15. Маршак Б. И. Серебро за меча // Византийская идея. Византизм в эпоху Комнинов и Палеологов. К XXI Международному конгрессу византистов (Лондон, 21–26 августа 2006 года). – СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. – С. 72–82.
16. Попова О. С., Захарова А. В., Орецкая И. А. Византийская миниатюра второй половины X – начала XII века. – М.: Гамма-Пресс, 2012. – 468 с., 384 илл.
17. Попова О. С., Саравьянов В. Д. Живопись конца X – середины XI века // Искусство Киевской Руси IX – первой четверти XII века / История русского искусства. Т. 1 / Отв. ред. А. И. Комеч. – М.: Северный паломник, 2007. – С. 180–262.
18. Родионова М. А., Гиппиус А. А. Плеть с Владычного двора // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 27. – 2013. – С. 152–170.
19. Рыбина Е. А. Рисунки средневековых новгородцев (по археологическим материалам) // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – С. 15–27.
20. Сорокин А. Н., Тянина Е. А. Древнерусские деревянные сосуды с изображениями воинов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 13. – 1999. – С. 131–142.
21. Сорокин А. Н., Тянина Е. А. Античные сюжеты в прикладном искусстве древнего Новгорода (по археологическим данным) // Вестник Московского университета. Серия «История». № 4. – 2001. – С. 89–101.
22. Средневековый bestiary / Авт. ст. и комм. К М. Муратова. – М.: Искусство, 1984. – 244 с.: илл.
23. Физиолог / Серия «Литературные памятники»; издание подготовила Е. И. Ванеева. – СПб.: Наука, 1996. – 168 с.
24. Maguire E.-D.; Maguire H. Other Icons: Art and Power in Byzantine Secular Culture. – Princeton University Press, 2007. – 201 p.
25. The Illustrations in the Manuscripts of the Septuagint. Vol. II. The Byzantine Octateuch. – Department of Art and Archeology Princeton University in association with Princeton University Press, 1999. – 404 p., pl.
26. Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. – Київ: Стародавній Світ, 2011. – 316 с.

Название статьи. Типология и иконография светских сюжетов в декоре деревянных предметов середины XI – начала XIV века из раскопок в Великом Новгороде: к постановке проблемы.

Сведения об авторе. Слапина Анна Андрисовна — соискатель. Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., 5, Москва, Российская Федерация, 125000. annaslapina@gmail.com

Аннотация. Предметы декоративно-прикладного искусства, найденные во время археологических раскопок древнерусских городов, обычно остаются за пределами внимания искусствоведов, если они не являются уникальными произведениями искусства. Однако присутствующие на них изображения могут расширить наши знания о миграции образов в средневековом мире. Особенно важны в этом плане предметы светского обихода, украшенные сюжетными композициями, так как нам известно крайне мало нерелигиозных древнерусских изображений. Исследование посвящено выявлению среди деревянных изделий, найденных при раскопках в Великом Новгороде, предметов светского круга, содержащих фигуративный декор, классификации присутствующих на них изображений по иконографическому признаку и поиску ближайших аналогов этих изображений среди произведений византийского, западноевропейского и скандинавского искусства. В результате исследования удалось определить

заимствованные новгородскими мастерами иконографические схемы, популярные в эпоху Средневековья, а также доказать важность рассматриваемых изображений, обычно не востребованных историками искусства, для исследования культуры Древней Руси.

Ключевые слова: иконография; археология; декоративно-прикладное искусство; Новгород; дерево.

Title. Typology and Iconography of Secular Scenes in the Decoration of Wooden Objects of mid 11th — beginning of the 14th Century from Archeological Excavations in Novgorod the Great: Problem Statement.

Author. Slapina, Anna Andrisovna — Ph. D. student. State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky lane, 125000 Moscow, Russian Federation. annaslapina@gmail.com

Abstract. The article is focused on not so well-known wooden objects of minor arts that were found during archeological excavations in Novgorod. Those objects are decorated with “secular” figurative scenes — images that do not contain religious iconographic schemes. We don’t have many examples of Old Russian secular art, that’s why each archeological finding is very important. The relevance of our research is based on the fact that those objects are usually studied with archeological methods. For the first time we investigated their decor with iconographic method. For this research we divided our material into four iconographic groups and selected for each one several analogues from the circle of Scandinavian, Western European and Byzantine art. As a result we found most popular medieval iconographic schemes adopted by local artists. The fact that those schemes were used in Novgorod proves the importance of studying this archeological material in cultural and cross-cultural researches on the Middle Age.

Keywords: iconography; archeology; minor arts; Novgorod; woodworking.

References

- Alekseev L. V. *Smolensk Land in IX–XIII centuries*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 261 p. (in Russian).
- Bocharov G. N. *Arts and Crafts of Novgorod Veliky*. Moscow, Nauka Publ., 1969. 128 p. (in Russian).
- Darkevich V. P. *Byzantine Secular Art in the 10th and 13th Centuries*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975. 350 p. (in Russian).
- Gladkaia M. S. *Reliefs of the St. Demetrius Cathedral in Vladimir: Experience in Comprehensive Study*. Moscow, Indrik Publ., 2009. 288 p. (in Russian).
- Grabar A. N. Secular Fine Art of Pre-Mongol Russia and “The Tale of Igor’s Campaign”. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (Works of the Department of Ancient Russian Literature)*, 1962, vol. XVIII, pp. 233–271 (in Russian).
- Kolchin B. A. *Novgorod Antiquities. Woodwork*. Moscow, Nauka Publ., 1968. 216 p. (in Russian)
- Kolchin B. A. *Novgorod Antiquities. Carved Wood*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 62 p. (in Russian).
- Konetskii V. Ia.; Samoilov K. G. About Some Aspects of the Culture of the Medieval City. *Novgorodskii istoricheskii sbornik (The Novgorod historical collection)*, 1999, vol. 7(17), pp. 3–14 (in Russian).
- Kudriavtsev I. N. Wooden Pilasters from Novgorod and their Nordic Counterparts. *Drevniaia Rus’: novye issledovaniia (Ancient Russia: New Research)*. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 1995, pp. 211–218 (in Russian).
- Kurina N. N. Wood Carving of Scandinavia and Pre-Mongol Novgorod. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul’turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice)*, 2012, vol. 10 (24): Part II, pp. 99–103 (in Russian).
- Lavysh K. A. *Artistic Traditions of Eastern and Byzantine Culture in the Art of Medieval Towns of Belarus (X–XIV centuries)*. Minsk, Belorusskaia nauka Publ., 2008. 208 p. (in Russian).
- Maguire E. D.; Maguire H. *Other Icons: Art and Power in Byzantine Secular Culture*. Princeton University Press, 2007. 201 p.
- Marshak B. I. *Treasures from the Ob’ basin (Introductory Article). Sokrovishcha Priob’ia: Katalog vystavki (Treasures from the Ob’ basin: Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg, Formika Publ., 1996, pp. 6–44 (in Russian).
- Marshak B. I. Silver for Fur. *Vizantiiskaia ideia. Vizantiia v epokhu Komninov i Paleologov (The Byzantian Idea. Byzantium in the Time of Comnenoi and Palaeologoi)*. Saint Petersburg, State Hermitage Publ., 2006, pp. 72–82 (in Russian)
- Mocja O.; Kazakov A. *Old Rus Chernihiv*. Kiev, Starodavniy Svit Publ., 2011. 316 p. (in Ukrainian).
- Popova O. S.; Zakharova A. V.; Oretskaia I. A. *Byzantine Miniature from the Second Half of the 10th Century to Early 12th Century*. Moscow, Gamma Press Publ., 2012. 468 p. (in Russian).
- Rodionova M. A.; Gippius A. A. The Lash from Bishop’s Court. *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istorii i arkhologiiia (Novgorod and Novgorodian Land. History and Archeology)*, 2013, vol. 27, pp. 152–170 (in Russian).
- Rybina E. A. Drawings of Medieval Novgorodians (by Archaeological Materials). *Istoricheskaia arkhologiiia. Traditsii i perspektivy (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia Daniila Antonovicha Avdusina) (Historical Archaeology. Traditions and Prospects (On the 80th Anniversary of D. A. Avdusin))*. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 1998, pp. 15–27 (in Russian).
- Sorokin A. N.; Tianina E. A. Old Russian Vessels with Warrior Images. *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istorii i arkhologiiia (Novgorod and Novgorodian Land. History and Archeology)*, 1999, vol. 13, pp. 131–142 (in Russian).
- Sorokin A. N.; Tianina E. A. Ancient Stories in the Decoration of Minor Art Objects from Ancient Novgorod (on Archaeological Data). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii «Istoriiia» (Moscow University Bulletin. Serie “History”)*. 2001, no. 4, pp. 89–101 (in Russian).
- Vagner G. K. *Sculpture of Ancient Russia*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969. 480 p. (in Russian).
- Weitzmann K.; Bernabo M. *The Byzantine Octateuch. Vol. II. Plates: The Illustrations in the Manuscripts of the Septuagint*. Department of Art and Archeology Princeton University in association with Princeton University Press, 1999. 404 p., 1552 ill.